

происходит в речи – было неясно. Сказать, что предложения, начинающиеся с «last night» (21-25), являются параллельными повторами, сообщая тем самым словам напряжение, значило бы почти ничего не сказать. Мы попытались соединить эту часть Обращения с предшествующими и последующими языковыми структурами, а также внимательно проанализировать ее саму. Предложения, начинающиеся с «last night», не используются в активном залоге потому, что активный залог сообщает прямо, ясно и акцент. Если бы эти предложения были построены по-иному, создаваемый ими образ стал бы статичным и уже в меньшей степени смог бы поддержать вывод говорящего о масштабах действий Японии: «a surprise offensive extending throughout the Pacific area» (26-27). Эти предложения являются поворотным моментом в Обращении, упоминающиеся далее США позиционируются как активно реагирующие на вчерашние события. Если бы эти предложения были построены по-иному, японцы бы не стали главными действующими лицами, а реакцию США было бы труднее на править. Хотя для говорящего является логичным представить Японскую империю как нечто «второстепенное» в своем первом упоминании о враге (1-3), также логичным является расположение Японии в центре событий «прошлой ночи». Чтобы выявить лингвистические стратегии риторики, необходимо рассматривать язык как «движущийся», «соединяющий» и «выстраивающий иерархию».

Наш критический подход был узким, сам анализ – детальным. Такой анализ не позволяет говорить о дискурсе в общем. Тем не менее, он может быть полезным для тех, кто находится в процессе разработки упорядоченной методологии для рассмотрения всех риторических процессов. Взаимодействие широкого и узкого подходов может способствовать пониманию, которое приведет к более плодотворной риторической критике.

1966 г.

© Стельцнер Г. Г., 2008

Кеннет Берк
Гарвард, США

Перевод: Аникин Е. Е.

РИТОРИКА ГИТЛЕРОВСКОЙ «БОРЬБЫ»

Появление полного перевода «Моей борьбы» вызвало слишком много вандальских комментариев. Существует много других способов сжигания книг, кроме костра, а излюбленный метод вспылчивого обозревателя состоит в лишении себя и читателя трезвого анализа, вследствие пренебрежительного отношения. Я считаю настоящим вандализмом, когда критик довольствуется элементарно небольшим количеством поверхностных нападок на книгу и ее автора, качество которых зависит от возможно-

стей этого критика и времени, которое есть в его распоряжении. «Борьба» Гитлера несносна, даже тошнотворна. Тем не менее, факт остается фактом: если обозреватель лишь наскоро выпаливает несколько враждебных оценок и на этом считает свою задачу выполненной, заранее заручившись гарантиями того, что его статья будет благоприятно воспринята здравомыслящими членами нашего общества, то его работа скорее способствует простому удовлетворению вкусов, нежели просвещению.

Перед нами завет человека, увлекшего за собой огромное количество людей. Давайте внимательно изучим его; изучим не просто для того, чтобы получить основу для спекуляций на тему, какой политический шаг должен последовать за Мюнхеном и какой шаг последует за тем шагом и т.д.; давайте также постараемся понять, какое «лекарство» этот доктор состряпал, чтобы точнее знать, чего нам нужно особенно опасаться, если мы хотим предотвратить появление такого же лекарства в Америке.

В настоящий момент во многих уголках нашей страны мы уже «прошли» этап верования в то, что наша *добродетель* спасает нас от Нацизма. Фашистской интеграции до сих пор не произошло, скорее, из-за конфликтов наших пороков. Наши пороки не могут объединиться в великом едином фронте предрассудков; и результат этой «неудачи», если – или пока – им не удастся преодолеть ее, говорит, как могло быть сказано в Библии, во имя демократии. Гитлер нашел панацею – «лекарство от всего, что вас беспокоит», «средство от всех болезней», которое сделало это жуткое единение возможным внутри его нации. Он оказал нам услугу, выложив свои карты на стол, чтобы мы могли внимательно посмотреть на его руки. Давайте же, Бога ради, посмотрим на них. В этой книге – кладезь нацисткой магии; грубой магии, но эффективной. Народ, воспитанный прагматизмом, должен изучить эту магию.

1

Каждое движение, которое будет набирать своих последователей из множества разобщенных и разноплановых групп, должно иметь какое-то место, к которому ведут все дороги. Разные люди могут прийти туда разными дорогами, но должен существовать единый пункт назначения для всех. Гитлер внимательно изучил данный вопрос и решил, что данным центром должен стать не просто объединяющий центр *идей*, но Мекка, географически расположенная так, чтобы к ней могли обратиться все глаза в назначенное время молитвы (или – как в данном случае – в назначенное время молитвы наоборот – во время хулы). Так он выбрал Мюнхен в качестве *материализации* своей объединяющей панацеи. Вот как он об этом пишет:

Геополитическое значение центра движения не может быть переоценено. Только наличие

такого центра и места, купающегося в магии Мекки и Рима, может в длительной перспективе дать движению ту силу, которая коренится во внутреннем единстве и признании руки, представляющей эту силу.

Если движение должно иметь свой Рим, оно также должно иметь своего дьявола. Потому что, как показал Рассел много лет назад, важным ингредиентом единства в Средние Века (ингредиентом, который долгие века выполнял свою интегрирующую функцию, несмотря на множество факторов, толкавших к дезинтеграции) являлся символ *общего врага*, самого князя тьмы. Люди, которых ничто больше не может объединить, могут объединиться только в присутствии врага, единого для всех. Сам Гитлер описывает это достаточно кратко:

В общем и целом и в любые времена, эффективность настоящего национального лидера состоит, прежде всего, в предотвращении разделения внимания народа и в постоянном фокусировании его на единственном враге. Чем более единообразно народная воля к борьбе направлена в действие, тем значительнее притягательная сила движения и тем мощнее сила взрыва. Часть гения великого лидера состоит в представлении врагов из разных сфер в виде врагов, принадлежащих лишь одной категории, ибо знание того, что существует несколько различных врагов, быстро приведет слабый и нестабильный характер к рождению сомнений относительно их собственной цели.

Как только колеблющиеся массы обнаружат, что им противостоят многочисленные враги, сразу же слово берет объективность и встает вопрос, действительно ли все остальные не правы и только их нация или их движение правы.

Вместе с этим приходит первый паралич их собственной силы. Поэтому несколько в корне отличающихся друг от друга врагов должны рассматриваться как один таким образом, чтобы в представлении массы сторонников война была обрушена только на одного врага. Это усиливает веру в правоту собственного дела и усиливает ожесточение против врага.

Как каждый знает, данная политика была продемонстрирована при выборе «международного» дьявола, «международного еврейства» (князь был международный, всеобщий, «католический»). Данная *материализация* религиозной структуры, я полагаю, является поразительно эффективным оружием пропаганды во времена, когда религия ослаблена веками капиталистического материализма. Вам остается только вернуться назад к проповедованию о веках, чтобы вспомнить о том, что у религии был могущественный враг задолго до появле-

ния организованного атеизма на сцене. Религия основана на «процветании нищеты», на использовании способов обращения наших страданий и недостатков в добро. Капитализм же, напротив, основан на процветании приобретений, единственной схемы цены, исключительно с помощью которой ее растущее изобилие безделушек могло быть продано, на минуту принимая на веру, что капитализм не так сильно ушел в себя, что он не может продать свои безделушки, даже после того, как адрессировал людей верить в то, что человеческое достоинство, «более высокий уровень жизни» могут быть достигнуты только посредством масштабного накопления.

Таким образом, в качестве объединяющего шага номер 1 международный дьявол материализовался в видимой форме людей с особым видом «крови», пародии современного неопозитивистского идеала значения, которое настаивало на *материальном* референте.

Как только Гитлер таким образом выделил своего врага, все «доказательства» стали выводиться автоматически. Если указать огромное количество свидетельств для доказательства того, что рабочий-еврей не соответствует «международному биржевому еврею-капиталисту», Гитлер ответит со стопроцентной вероятностью: «Вот еще одно свидетельство коварства, лежащего в основе еврейского заговора». А если указать на «арийцев», которые делают то же самое, что и евреи в сговоре? Отлично: это доказательство того, что «ариец» поддавался соблазну евреев.

Половой символизм, проходящий через книгу Гитлера, припасенный для того, чтобы дать исчерпывающие ответы на вопросы о современных половых ценностях, легко охарактеризовать: Германия в рассеивании – это «обезроженный Зигфрид». Массы слишком женственны. Поэтому они нуждаются в доминирующем мужчине-лидере. Этот мужчина – оратор – ухаживает за ними, а когда добивается их – командует ими. Мужчина-противник – подлый еврей – напротив, стремится «соблазнить» их. Если он преуспевает, он отравляет их кровь смешением с ним. Следовательно, по логике элементарной ассоциативной связи идей, мы должны броситься в атаку на сифилис, проституцию, инцест и другие подобного рода напасти, что подается как «музыкальный» аргумент, когда он говорит об «отравлении крови» при межнациональном браке или о его «духовном» эквиваленте – инфекции «еврейских» идей, таких как демократия.¹

«Медицинский» аргумент о евреях как о козле отпущения работает и с другого угла. Сред-

¹ Гитлер настаивает на полном отождествлении лидера и народа. Следовательно, ухаживая за людьми, он окольным путем ухаживает за собой. Данная мысль наводит на ответ на вопрос, почему Фюрер, доминировавший над женственными массами своей ораторской манерой, имел стимул оставаться холостяком.

ний класс в сознании каждого своего члена содержит раздвоенность: его члены одновременно подчинены культу денег и ненависти к этому культу. Если капитализм работает эффективно, данный конфликт проявляется более или менее латентно. Однако если капитализм не оправдывает надежд, он выходит наружу. Стало быть, существует лекарство для «арийских» членов среднего класса в приеме козла отпущения, в соответствии с которым «отрицательные» черты могут быть приписаны «дьяволу», а себя можно уважать, делая различие между «хорошим» капитализмом и «плохим» капитализмом; при этом представители другой логики станут проводниками «плохого» капитализма. Без сомнения, «помощь» данного решения избавила Гитлера от необходимости объяснять, как «еврейский заговор» должен был работать. Нигде в этой книге, которая полна планами военных операций, не предпринимается хотя бы малейшей попытки объяснить те шаги, при помощи которых триумф «еврейского большевизма», который уничтожает все финансы, станет триумфом «еврейских» финансов. Гитлер отлично знает тот момент, в котором его «объяснения» должны опираться лишь на пыл.

Встает вопрос при попытке оценить действия Гитлера: был ли его выбор еврея в качестве объединяющей функции дьявола обычным расчетом. Несмотря на уже приведенную мной цитату, я считаю, что *нет*. Полагаю, что тот напор, с которым он использует его, основан на более сложном положении дел. Представляется, что когда Гитлер поехал в Вену в состоянии, близком к полной нищете, он на самом деле страдал. Он жил среди нищих; и он описывает свои страдания в подробностях. Он глубоко их *переживал*; и его способ передачи этих переживаний производит на меня такое впечатление, что в этот момент он абсолютно искренен, как и при его содрогании о разорванных семейных отношениях по причине алкоголизма, который – в свою очередь – связан с нищетой. В это время он и начал свои попытки политического теоретизирования; и его беспокойство значительно возросло из-за того мастерства, с помощью которого марксисты поставили его в замешательство. Один из отрывков особенно отчетливо дает основания полагать – если заглянуть между строк – что диалектики классовой борьбы своим умением разрушать его путаные аргументы, ввели его в состояние неуверенности, из которого он в конце концов «вышел» при помощи гнева:

Чем больше я спорил с ними, тем лучше я понимал их диалектику. Поначалу они рассчитывали на невежество своего противника; затем, когда уже не было выхода, они сами стали изображать глупость. Если все это не помогало, они отказывались понимать или меняли тему, когда их загоняли в

угол; они вытаскивали из рукава трюизмы, но незамедлительно переносили их принятие на совершенно другие предметы, а если их атаковали вновь, они уступали и делали вид, что ничего не знают. В каком бы месте ни атаковали одного из этих пророков, руки увязали в слизи; она проскальзывала через пальцы и вновь собиралась в единое целое. Если же кому-нибудь удавалось так основательно разбить одного из них при свидетельствах, что ему не оставалось ничего другого, как согласиться и этот счастливчик начинал думать, что сделал шаг вперед, то он был невероятно удивлен на следующий день. Еврей ничего не вспомнит о предыдущем дне, он будет продолжать полемику в старом ключе, как будто ничего не произошло, и если ему негодующе привести доказательства, он изобразит удивление и не вспомнит ничего, кроме того, что его утверждения уже были доказаны днем ранее.

Я был ошеломлен.

Неизвестно, чем в большей степени восхищаться: бойкостью их языка или их умением врать.

Я постепенно начал ненавидеть их.

Полагаю, именно в этот момент он проследживает *спонтанный* подъем своего антисемитизма. Он говорит, что, как только он открыл «причину» своих страданий, он оказался способен бороться с ними. Раньше ему приходилось опускать глаза, теперь он мог *уверенно смотреть* на происходящее. Здесь формируется его *радикальная структура* принятия. Он говорит о «внутреннем счастье», снизошедшем на него.

Это был тот момент, когда произошла величайшая перемена, которую я когда-либо переживал.

Из ничтожного космополита я превратился в фанатичного антисемита.

и отсюда мы двигаемся через ассоциативную связь, выдвинутую им, ко всем стратегическим моментам, к видению конца света, из которого, в свою очередь, он выводит свой слоган: «Я действую от имени Всемоущего Создателя: *Сражаясь с евреями, я борюсь за дело Господа*» (курсив – Гитлера).

Он говорит об этом переходе как о периоде «двойственной жизни», борьбе «разума» и «реальности» против своего «сердца».² Эта борьба

² Другие аспекты карьерного символизма: книга Гитлера начинается следующим образом: «Сегодня я считаю большой удачей то, что волей судьбы мне было суждено родиться в Браунау-ам-Инне. Потому что этот маленький городок расположен на границе тех двух германских государств, объединение которых представляется – по крайней мере нам – представителям молодого поколения – задачей, решения которой необходимо добиваться любыми средствами, покуда мы живы. Это проявление его «переходного» состояния разума, то, что Вордсворт назвал бы со-

приносила как «страдания», так и «блаженство». И наконец, разум победил! Что позволяет нам отметить, что те, кто атакует гитлеризм как культ иррационального, должны бы скорректировать свои утверждения примерно до такой степени: культ, конечно, иррационален, но он преподносится под девизом «разума». Точно так же его культ войны построен «во имя» смирения, любви и мира. Конечно, количественный анализ сразу определит книгу Гитлера подпадающей под категорию ненависти. Его злоба повсюду, милосердие – редкость. Но рационализованное генеалогическое древо этой ненависти позиционирует ее в «Арийской любви». Некоторые дальновидные немецкие поэты, чья работа предвещала движение нацизма, также склонялись к мышлению *во имя войны*, иррационального и ненависти. Но Гитлер был не из их числа. В конце концов, когда так легко вывести доктрину войны из доктрины мира, зачем пронизательному политику делать что-то другое, особенно когда Гитлер соединил свои доктрины без малейшей попытки придать им логическую симметрию? Более того, церковное мышление всегда приходило к войнам в гитлеровском «здоровом» ключе; а мыслительные модели Гитлера являлись ничем другим, как испорченными или карикатурными формами религиозной мысли.

Я говорил о ярости Гитлера по отношению к диалектике тех, кто возражал ему тогда, когда его структура находилась на стадии формирования. Отсюда мы можем перейти к другому невероятно важному аспекту его теории: к его атаке на *парламентариев*. Потому что опять-

стоянием человека «на границе». Он не заботится о том, чтобы указать дату своего рождения – 1889 год, которую лишь позднее добавляют издатели. И даже в этом прослеживается определенная «правильность», ибо Гитлер «родится» лишь много лет спустя – но он дает точные даты своих боевых ранений, которые на самом деле были формирующими. В свои молодые годы в Вене и Мюнхене он переживает состояние протеста, вследствие своей «безвестности». А когда его партия наконец организована и эффективно работает, он отмечает, что его период «безвестности» окончен (т.е. он сформировал свою идентичность). Читая некоторые обобщения из ранних пассажей его книги о том, что не следует жестко формулировать свои политические взгляды до тридцати лет, я отметил для себя: «Посмотрим, что Гитлер будет делать в тридцать лет». Я был уверен, что, хотя подобные обобщения могут быть двусмысленны при их приложении к людям в целом, они должны – учитывая особенности сознания Гитлера (при его полной идентификации себя и своих последователей) – являться достоверными утверждениями о нем самом. *Все* должны делать то, что *сделал* он. Догадка подтвердилась: как раз когда Гитлеру было около тридцати, в составе семи человек начала работать его партия, которой суждено будет завоевать Германию. Я слежу за этими этапами прежде всего потому, что считаю, что оратор, который имеет глубокое чувство собственного «воскресения», должен полагаться на это при убеждении своей аудитории, убеждая ее в том, что он дарит им путь в «новую жизнь». Тем не менее, я не вижу категорических возражений против этой позиции; ее угроза исходит исключительно из тех ценностей, которые являются ее воплощением. Они могут быть здоровыми или нездоровыми. Если они нездоровы, но опираются на убеждение, основная искренность убеждения действует как добродетель в поддержку порока – и эта комбинация наиболее катастрофична из всех, которые можно встретить в речи демагога.

таки – я утверждаю – это важнейший аспект его лекарства в функции лекарства для него лично и лекарства для тех, кто позднее станет идентифицировать себя с ним.

У парламента существует «проблема» – и нигде эта проблема не проявилась так остро, как в довоенной Вене, которая стала политической школой для Гитлера. Проблема в том, что парламент – в лучшем случае – это «столпотворение» голосов. Парламент – это постоянные пререкания людей, представляющих интересы с предубеждением друг против друга, иногда противоположные, иногда слабо расходящиеся. Психиатрический анализ «Мисс Бошам» Мортон Принса – случай распада личности женщины на несколько подличностей, не гармонирующих друг с другом, соединяющихся в различных комбинациях под гипнозом и зачастую в состоянии смятения, – является аллегорией демократии, переживающей трудные времена. Парламент империи Габсбургов незадолго до ее краха представлял собой ярчайший пример подобного распада, подобной многоголосой диаспоры, действия которой превратят ее в разобленную массу фрагментов при попытке охватить полноту разногласий. Так и Гитлер, страдавший отчуждением из-за нищеты и смятения, жаждавший найти интегрирующее ядро, пришел к пониманию этого парламента как основного символа того, от чего он отстранится в будущем. Он проклял терпящую крах империю Габсбургов как «Государство национальностей». Множество конфликтующих голов ораторов от множества политических блоков имело своей причиной тот факт, что различные сепаратистские движения националистического толка возникли в рамках католической имперской структуры, сформированной до возникновения национализма и распадавшейся на кусочки после его возникновения. Так вы приходите к столпотворению голосов, и – методом ассоциативных связей, *используя идеи в качестве образов* – оно слилось в риторике Гитлера с Вавилоном, и Вена стала городом нищеты, проституции, аморальности, коалиций, полумер, инцеста, демократии (т.е. мажоритарному правлению, ведущему к «недостатку личной ответственности»), смерти, интернационализма, совращения и чего угодно еще из того, что ассоциативная схема могла добавить в эту сторону уравнивания.

Стыдно об этом говорить, но отношение Гитлера к парламентскому столпотворению в одном важном моменте не слишком отличался от того, которое мы регулярно встречаем в передовицах наших собственных газет. Любой конфликт ораторов в парламенте представляет собой соответствующий конфликт между материалистическими интересами групп, которые они представляют. Но Гитлер не обсуждал столпотворение с этого угла. Он рассуждал о нем на чисто *симптоматичной* основе. Стра-

тегия нашей радикальной прессы, насмехающейся над какофоническим вербальным продуктом Конгресса, очевидна: концентрируя атаку на *симптомах* деловых конфликтов – так как они проявляются на шкале политических раздоров – и оставляя лежащую в их основе причину и сами деловые конфликты за рамками, они могут удовлетворить ту публику, которую они иначе отвратили бы: конкретно деловых людей, которые и являются активизирующими членами их читательской аудитории. Гитлер, однако, пошел дальше. Он не только провел *симптоматическую* атаку. Он стал искать «причину». И эта «причина», безусловно, была получена им из его лекарства, его расистской теории, с помощью которой он смог дать неэкономическую интерпретацию экономически генерированного явления.

И здесь опять на первый план выходит использование искаженных религиозных моделей. Церковное мышление, в первую очередь занимающееся вопросами «личности», проблемами нравственного совершенствования, естественно и – я думаю – правильно, выделяет в качестве необходимой черты, волевое действие со стороны индивида. Это вытекает из его направленности против объяснений человеческих пороков как результата воздействия среды. Отсюда вытекает акцент на «личности». Отсюда вытекает стремление найти неэкономическое объяснение экономическим феноменам. Предложение Гитлера найти неэкономическую «причину» проблем, таким образом, многое давало с этого угла зрения. И на самом деле, именно Христианско-Социальная Партия Люггера в Вене научила Гитлера тактике связать программу социального усовершенствования с антисемитским «объединителем». Двумя партиями, которые он внимательно изучал в это время, являлись данная Католическая фракция и Пангерманская группа Шенерера. И его анализ их достоинств и недостатков – с точки зрения эффективности демагогии – является весьма проникательным исследованием, раскрывающим, насколько осторожно этот человек использовал создавшееся положение дел в Вене в качестве экспериментальной лаборатории для построения своих планов.

Его тактика объединения – если подвести итог – состояла из следующих важных элементов:

(1) Врожденное чувство достоинства. И в религиозных, и в гуманистических моделях мысли выделяется «естественное врожденное» достоинство человека. И это достоинство считается характеристикой всех людей, если только они сами им воспользуются, благодаря праведным мыслям и праведной жизни. Но Гитлер придает этой благородной позиции зловещий изгиб своими теориями рас и наций, согласно которым «ариец» стоит выше всех остальных, благодаря врожденному дару своей крови, то-

гда как другие «расы», а особенно евреи и негры, изначально второсортны. Этот зловещий светский пересмотр христианской идеологии ставит, таким образом, чувство достоинства на рельсы борьбы под требованием порабощения «низших рас». После поражения Германии в I Мировой Войне ее население испытывало особенно сильную потребность в том, чтобы эта компенсирующая доктрина *врожденного* превосходства сработала.

(2) Прием *проецирования*. Процесс «лечения», связанный с возможностью перекинуть собственные пороки на козла отпущения и таким образом очищающий при помощи отмежевания. Этот прием был особенно целебным, ибо чувство смятения ведет к возникновению вопросов к себе. Следовательно, если человек может перевести свои недостатки в сосуд или «причину» вне себя, он сможет бороться с внешним врагом вместо борьбы с внутренним. И чем сильнее внутренние недостатки человека, тем больше пороков можно навесить на шею «врага». Этому приему придается схожесть с причиной, потому что индивид четко понимает, что не он один виноват в своем состоянии. Существуют неблагоприятные факторы в самой ситуации. И он хочет «определить им место» и предпочтительно таким способом, который потребовал бы наименьших изменений тех способов мышления, к которым он привык. Это особенно отвечало интересам средних классов, которых поощряли считать, что они могут вести свой бизнес вообще без серьезных изменений, как только бизнесмен иной «расы» будет устранен.

(3) Символическое возрождение. Еще один аспект уже отмеченных двух характеристик. Прием проецирования на козла отпущения, соединенный с гитлеровской доктриной врожденного расового превосходства, гарантирует своих сторонников «позитивным» мировосприятием. Они вновь могут испытать чувство *движения вперед*, к *цели* (обещание, которое Гитлер активно использует). В Гитлере – как в пророке группы – это возрождение включало символическую смену генеалогии. Здесь, прежде всего, мы видим, как Гитлер придает зловещий уклон благородному аспекту Христианской мысли. Ибо если Папа, в соответствии с семейными канонами мысли, основополагающими для Церкви, утверждал, что древнееврейские пророки были *духовными прародителями* христианства, то Гитлер использует ту же самую модель в точности до наоборот. Он отвергает данное «наследие» «материалистическим» образом, определяя себя и членов своей логики как обладателей «группы крови», отличной от еврейской.

(4) Коммерческое использование. У Гитлера, безусловно, было, что продать – и это было лишь делом времени (т.е. ему просто необходимо было найти финансовую поддержку для

своего движения). Потому что оно предоставляло *неэкономическую интерпретацию экономических проблем*. В таком виде оно функционировало с максимальной эффективностью, отвлекая внимание от экономических факторов, вовлеченных в современный конфликт; атакуя «еврейские финансы» вместо просто *финансов*, оно стимулировало ярое движение, которое оставляло «арийские» финансы под контролем.

С этого момента Гитлер больше не отклоняется в своей книге от приведенной выше формулы. Неизменно он заканчивает свою обличающую критику современных экономических проблем переходом к требованию добраться до «истинной» цели, которая кроется в «расе». «Арийцы» - конструктивны, «евреи» - деструктивны; «ариец», чтобы продолжить *созидание*, должен *уничтожить* еврейский *деструктивизм*. Ариец – как вместилище *любви* – должен *ненавидеть ненависть* еврея.

Возможно, наиболее находчивое использование данного метода можно обнаружить в главе «Причины краха», в которой он отказывается каким-либо образом связывать плачевное состояние Германии с последствиями войны. Он настаивает, что экономические факторы имеют «только вторичную или даже меньшую значимость», тогда как «политические, нравственно-этические, а также факторы крови и расы имеют наибольшую значимость». Его риторические шаги особенно интересны в этом месте, где он, как кажется, насмехается над национальной чувствительностью: «Военное поражение германского народа не является незаслуженной катастрофой, а скорее заслуженным наказанием за вечное возмездие». Затем он представляет военный крах как «последствие морально-го отравления, очевидного всем, как последствие ослабления инстинкта самосохранения... которое уже начало подрывать основания народа и Рейха много лет назад». Моральный упадок исходит из «греха крови и деградации нации», поэтому его внутренний характер – в конце концов – является внешним: это евреи, на которых сваливают все смешение пороков, среди которых капитализм, демократия, пацифизм, журнализм, плохое жилье, модернизм, большие города, потеря религии, ухудшение состояния здоровья и слабость монарха.

2

У Гитлера был еще один психологический ингредиент, на который можно было положиться. Когда государство находится в состоянии экономической катастрофы (а его теории, принимавшие лишь приблизительные формы в довоенной Вене, были окончательно разработаны в послевоенном Мюнхене), можно вывести чувство достоинства из экономической стабильности. Прежде всего, должно быть чувство достоинства – а если оно есть и работает, то из него можно вывести и экономическую составляющую.

В этой линии аргументации немало справедливого, поэтому она работает. Народ, переживающий крах, страдающий от экономического смятения и попраания национальной гордости в то время, как главное воплощение его общих усилий – армия – в состоянии развала, не имеет особого выбора, кроме как опереться на «духовный» базис, с которым он мог бы связать свое национальное достоинство. Следовательно, безоговорочное достоинство высшей расы стало прекрасным рецептом выхода из ситуации. Этим рецептом было «духовное», поскольку оно лежит в плоскости «над» грубыми экономическими интересами, но оно было «материализовано» в психологически «правильном» моменте – в том, что «врага» можно было *увидеть*.

Более того, у вас есть желание к единению – обсуждение классового конфликта на основе конфликта интересов не могло его удовлетворить. Тоска по этому единению настолько велика, что народ готов присоединиться к вам на полпути, если вы дадите ему в форме вердикта, четкого утверждения вне зависимости от фактов. Следовательно, Гитлер настойчиво отказывался рассматривать внутренний политический конфликт на основе конфликта интересов. Тут он опять обращается к религиозной модели, настаивая на *личной* интерпретации отношений между классами, отношений между лидером и последователями, при которых каждая группа в своем роде воплощает одну и ту же общность интересов, точно так же, как рядовые и капитаны в армии разделяют общий интерес в победе. Людям настолько чужда идея внутреннего разделения, что там, где подобное разделение реально имеет место, это неприятие может быть направлено против человека или группы, осмеливающихся хотя бы объявить об этом разделении – не говоря уже о предложении действовать. Их естественное и оправданное неприятие самого внутреннего разделения направлено против диагноста, говорящем о нем как о *факте*. Этот диагност становится *причиной* той разобщенности, которую он назвал.

Рассматривая проблему с другого угла, мы отмечаем, как два набора уравнений были выстроены Гитлером с помощью комбинирования или объединения *идей* подобно тому, как поэт комбинирует и объединяет *образы*. С одной стороны – идеи или образы разобщенности, сконцентрированные на парламентских пререканиях «Государства Наций» Габсбургов. Они были поданы в качестве антитезы германской нации, представленной в качестве средства для единства, сфокусированного вокруг славы Прусского Рейха, Мекка которого теперь переместилась в «народную» Вену. Потому что, хотя Гитлер сначала и атаковал «народные» движения с их верой в мифологию германских истоков Вагнера, он впоследствии взял «народ-

ное» в качестве основного магического слова убеждения. В конце концов, это был еще один базовый ориентир. Сначала мы видим, как он не соглашается с теми, «кто слоняется со словом 'народный' на своих шапках», и утверждает, что подобное многоголосие мнений не может служить базой для политического движения борьбы». Но позднее, как кажется, он — как оно и следовало бы — понимает, что эта неопределенность как раз и была решающим аргументом в его пользу. Поэтому это слово и было инкорпорировано в великую коалицию его идейной образности, или образной идеологии: Глава XI с видением «Государства, представляющего не механизм экономических расчетов и интересов, враждебный народу, но народный механизм».

Таким образом, на фоне уравнений разобщенности, уже кратко перечисленных нами при анализе его выпадов против парламентаризма, мы получаем новый очищающий набор; с парламентскими распрями может быть покончено, если дать *один* голос всему народу, который должен стать «внутренним голосом» Гитлера, единым внутри границ Германии, так как лидер и народ должны быть согласны во всем. Таким образом, голос Гитлера равняется отождествлению лидера с народом, равняется единству, равняется Рейху, равняется Мекке-Мюнхену, равняется плугу, равняется мечу, равняется труду, равняется войне, равняется армии как главному элементу всего, равняется ответственности (личной ответственности абсолютного правителя), равняется жертвенности, равняется теории «германской демократии» (свободный народный выбор лидера, который затем принимает ответственность и требует абсолютного повиновения в обмен на его жертвенность), равняется любви (в которой массы представляют женское начало), равняется идеализму, равняется покорности природе, равняется расе, нации.³

И, конечно же, двумя основными принципами этих противоположных уравнений стали

³ Уравнение можно продолжить, как со стороны разобщенности, так и со стороны единства. В поле эстетики, например, у нас экспрессионизм на стороне неодобрения, в противовес эстетической гигиене на стороне одобрения. Это еще один иронический момент стратегии Гитлера. Движение экспрессионизма, несомненно, являлось нездоровым симптомом. Оно отражало растущее отчуждение, которое шло вместе с движением, по отношению к мировой войне и дезорганизации после мировой войны. Оно было «потерянным», обладало смутной идентичностью, являлось поразительно точным отражением ответа на смятение материализма, патетической попыткой искренних художников сделать свое жалкое существование, по крайней мере, сносным до такой степени, которая исходит из возможности выразить его. Оно достигло своего расцвета в период дикой инфляции, когда мир капитализма, который базируется на нравственности труда и накопленный на здоровье своей монетарной системы, лишился последнего своего оплота стабильности. Коротко говоря, это мучение отражало именно тот тип раскола, который подготовил людей для Гитлера. Оно было первым членом во фразе, в которой Гитлеризм был последующим членом. Но, обрушиваясь на этот *симптом*, он получал убедительность, хотя таким образом он и атаковал *предзнаменование себя самого*.

арийские «героизм» и «жертвенность» в противовес еврейским «подлости» и «высокомерию». И здесь мы вновь наталкиваемся на поразительную карикатуру религиозной мысли. Потому что Гитлер представляет концепцию «арийского» превосходства — в любых смыслах — в терминах «арийской скромности». Эта «скромность» выводится благодаря очень тонкому процессу, который требует — как я опасаясь — значительной степени «доброй воли» со стороны читателя, который примет эту идею:

Церковь, как мы помним, провозглашает нераздельную взаимосвязь между Божественным Законом и Законом Природы. Закон Природы являлся выражением Воли Божьей. Таким образом, когда в средние века некоторые люди были крепостными, а другие дворянами, это было результатом закона природы, работавшего согласно этой традиции. Каждый добродетельный член Церкви был «покорен» этому закону. Каждый подчинял себя ему. Таким образом, крепостной смирялся со своей нищетой, а дворянин — со своим богатством. Монарх смирялся со своим положением представителя народа. А священнослужители иногда смирялись с необходимостью представлять народ вместо него. Данная модель являлась симметричной, так как любое традиционное «право» предполагало соответствующие «обязательства». Точно так же арийская доктрина является доктриной отказа, то есть покорности. В соответствии с законами природы «арийская кровь» стоит выше любых других кровей. Точно так же «закон выживания сильнейшего» — это закон Бога, работающий посредством закона природы. Таким образом, если арийская кровь наделена огромной ответственностью вследствие своего врожденного превосходства, носители этой крови, «создающей культуру», должны бороться во имя ее победы. Иначе закон Божий не будет соблюден, в результате чего человечество придет к упадку. Мы должны сражаться, говорит Гитлер, чтобы «заслужить право на жизнь». Арийцы «подчиняются» природе. Это лишь «еврейское высокомерие» говорит о «завоевании» природы посредством идеалов равенства.

У этой картины несколько отличительных черт, за которыми следует проследить. Основное достоинство арийской расы состояло в ее инстинкте самосохранения (состоящем в покорности закону природы). Основным пороком еврея заключался в его инстинкте самосохранения; потому что, если у него этот инстинкт не был развит в полной мере, он не будет «совершенным» врагом — то есть он не будет достаточно силен, чтобы рассчитывать на вездесущность и всемогущество своего заговора с целью разрушить мир и стать его повелителем.

Как же в таком случае нам различать благодетельный инстинкт самосохранения у корней арийства и злокачественный инстинкт самосохранения у корней семитизма? Мы должны

различать их следующим образом: арийское самосохранение базируется на *жертвенности*, жертвенности индивида группе; отсюда – милитаризм, армейская дисциплина и один большой союз. Однако еврейское самосохранение базируется на индивидуализме и еврей достигает своих подлых целей, эксплуатируя мир. Как же тогда могут эти отъявленные индивидуалисты осуществить свой всемирный заговор? С помощью своего «стадного инстинкта». С помощью одного лишь своего «стадного инстинкта» индивидуалисты могут следовать вместе к своей общей цели. У них отсутствует настоящая солидарность, но они оппортунистически объединяются, чтобы соблазнить арийцев. Однако это по-прежнему не решает еще одной технической проблемы. Поскольку мы очень многое слышали о важности *личности*. Нам говорили, как на основе «закона выживания сильнейшего» существует просеивание людей на основе их индивидуальных способностей. У нас даже есть глава о чистом арийстве: «Сильный Человек Един Всемогущ». Следовательно, необходимо еще одно различие: евреи представляют индивидуализм; арийцы представляют супериндивидуализм.

Я полагал, когда подходил к главе «Сильный Человек Един Всемогущ», что она окажется самой слабой у Гитлера. На самом деле, она оказалось самой сильной (я имею в виду не *качество*, а *демагогическую эффективность*). Потому что глава – хотя так можно было бы решить из заглавия – не написана в манере «подъем Адольфа Гитлера». Напротив, она повествует о нацистском постепенном впитывании множества разобщенных «народных» групп. И она добивается своего посредством спонтанного отождествления лидера и народа. Следовательно, «единственность» Сильного Человека представлена как *общественный* атрибут, в плане тактики для борьбы против разъединения *Партии* под давлением конкурирующих спасителей. О Гитлере в главе вообще явно не говорится. Просто его лидерство представляется как *нечто, само собой разумеющееся*, как норма, а любое другое лидерство – как отклонение от нормы. Нет ничего вроде ницшеанской «философии сверхчеловека». Напротив, леств Гитлера настолько объединяет лидера и народ, так неразрывно связывает их, что политик даже не представляет себя как кандидата. Непонятно как, но борьба уже окончена, решение принято. «Германская демократия» выбрала. А развертывание политики, можно сказать, является картированием мозга Гитлера, переведенным на язык националистических мероприятий. Он выражает то, что *он думает*, говоря, что *партия сделала это*.

Здесь, я полагаю, мы видим отличительное качество метода Гитлера как средства убеждения в отношении вопроса о том, искренен Гитлер или нет, является ли его видение всемогу-

щего конспиратора поистине критическим случаем паранойи или же просто пронизательно-стью демагога, натренированного в реалполитике макиавеллизма.⁴ Нужно ли нам выбирать? И не следует ли нам, скорее, заменить «или... или...» на «как... так и...»? Не собрали ли мы уже достаточно оснований для утверждения, что потрясающая сила убеждения Гитлера исходила из того факта, что он спонтанно изобрел свою «панацею» в ответ на внутренние потребности?

3

Таким образом, очень многое было «спонтанным». Затем оно было направлено по каналу антисемитской модели мотивами, почерпнутыми Гитлером из Католической Христианско-Социальной Партии в самой Вене. Теперь добавьте немного *критики*. Не той критики сомнения в «парламентском» понимании – обращении внимания на оппозицию и попытке создать политику в свете контр-политики – но «единого» типа критики, которая просто ищет сознательных путей сделать определенную позицию более «эффективной», сделать эту позицию более отчетливо самой собой. Это тот тип критики, ярким сторонником которой был Гитлер. В результате он мог *спонтанно* обратиться к механизму козла отпущения и мог – при помощи сознательного планирования – совершенствовать симметрию того решения, к которому он спонтанно обратился.

Здесь кроется смысл резкой критики «объективности» со стороны Гитлера. Гитлер хотел такого типа критики, которая стала бы чистым и простым коэффициентом могущества, предоставляя ему возможность наиболее эффективно следовать в направлении, избранном им. И «внутренний голос», о котором он говорит, с этого момента диктовал бы ему наибольшее количество реализма в плане тактики эффек-

⁴ Я не хочу использовать слово «макиавеллизм» без принесения извинений господину Макиавелли. Мне кажется, что в защиту Государя Макиавелли можно сказать больше, чем обычно говорится. Стратегия Макиавелли – насколько я понимаю ее – состояла примерно в следующем: Он принял ценности правления Ренессанса как *факт*. То есть вне зависимости от того, нравятся вам эти ценности или нет, они существовали и работали, и бесполезны были попытки убедить амбициозного правителя принять другие ценности, как то ценности Церкви. Эти люди верили в культ материального могущества, и у них была сила, чтобы следовать своим убеждениям. Когда столь многое представлено как «данность», может ли что-нибудь быть спасено на пути благ для народа? Макиавелли разработал типично «макиавеллианский» аргумент в защиту народных благ на основе собственной системы ценностей государя. То есть: правитель, чтобы достичь максимальной силы, нуждается в поддержке масс. Для того, чтобы эта поддержка была настолько эффективной, насколько это возможно, массы должны быть настолько сильны, насколько это возможно. А чтобы массы были настолько сильны, насколько это возможно, с ними надо хорошо обращаться. Их благодарность позднее принесет дивиденды в форме возросшей лояльности.

Макиавелли надеялся, что за этот «окольный» проект его наградят хорошо оплачиваемым постом в административном аппарате государя.

тивности. К примеру, решив, что массам необходима определенность, и только лишь определенность, которая была нужна и ему самому, он стал работать над программой из 25 пунктов, которая станет платформой Национал-Социалистической Рабочей Партии Германии. И он решительно отказывается заменить хотя бы один пункт из своей программы, даже в целях ее «усовершенствования». Он чувствовал, что *устойчивость* платформы была важнее в пропагандистских целях, чем любой возможный пересмотр слоганов, даже если бы пересмотр этих слоганов намного улучшил бы их. Поразительная вещь состоит в том, что, хотя подобная позиция давала немало оснований сомневаться в гитлеровских обещаниях, он мог открыто объяснить свои тактики в своей книге и по-прежнему применять их без какой-либо потери в эффективности.⁵

Гитлер также говорит о своей ораторской технике, как только Нацистская партия полностью сформировалась и обрела свою армию телохранителей – или вышибал – чтобы справиться с крикунами и выбросить из зала. По его воспоминаниям, он то и дело наполнял свою речь *провокационными* замечаниями, при произнесении которых его вышибалы становились в полетный строй, размахивая кулаками в направлении любого, кто решался бы ответить на эти провокационные замечания. Эффективность гитлеризма – это эффективность одного голоса, воплощенного через организацию в целом. Вот триединство правительства, которое он, в конце концов, предлагает: *популярность* лидера, *сила* для поддержки популярности, а также *популярность* и *сила*, на протяжении долгого времени удерживаемые вместе, поддерживаемые *традицией*. Является ли такой тип мышления спонтанным или преднамеренным – или же и тем, и другим?⁶

⁵ По данному вопросу Гитлер заявляет следующее: «Здесь тоже есть чему поучиться у католической церкви. Хотя структура ее доктрин во многих случаях вступает в абсолютно лишнее противоречие с точными науками и исследованиями, она, тем не менее, не соглашается пожертвовать ни одним слогом из своих догм. Она справедливо признала, что ее стойкость заключается не в более или менее удачном приспособлении к научным результатам современности, которые на самом деле все время меняются, но скорее в строгой приверженности догмам, однажды выдвинутым, что и придало целой структуре характер веры. Именно по этой причине в настоящий момент Католическая Церковь стоит на ногах крепче, чем когда-либо. Можно предсказать, что настолько же, насколько видимость изменчива, сама Церковь – как опорный пункт изменчивости видимости – продолжит завоевывать все больше и больше слепых последователей».

⁶ Гитлер также уделял огромное внимание тем условиям, при которых политическая риторика особенно эффективна. Он подводит итог следующим образом:

«Все эти случаи предполагают посягательство на свободу воли человека. Конечно, это больше всего относится к тем встречам, на которые приходят люди с противоположной ориентацией желаний, и которых теперь необходимо завоевывать для новых свершений. Представляется, что утром и даже в течение дня сила воли человека сопротивляется с наибольшей энергией любым попыткам попасть под влияние другой воли и другого мнения.

Фрейд дает нам краткий абзац, объясняющий аспект спонтанности мании преследования Гитлера. Мании преследования, необходимо добавить, отличной от чистого продукта в том, что она была построена на *общенародном* материале; все те ингредиенты, которые Гитлер замешал в свое варево, уже и так присутствовали в изобилии, имели своих ораторов и массу последователей еще до того, как Гитлер «принял их на себя». Как довоенный, так и послевоенный период были испещрены различного рода спасителями, как националистического, так и народного толка. Это размножение происходило аналогично тому размножению бартерных схем и валютных махинаций, что обрушилось на Соединенные Штаты после обвала 1929 года. Кроме того, коммерческая часть политики Гитлера – в самом узком понимании термина – являлась общенародным правом, вытесняя ее из области «чистой» паранойи, при которой страдающий вырабатывает полностью *личную* структуру интерпретаций.

Цитирую из «Тотема и Табу»:

«Еще одна черта в отношении примитивных рас к своим вождям напоминает механизм, который обязательно представлен при психических расстройствах и отчетливо проявляет себя в так называемых маниях преследования. В данных обстоятельствах значение определенной личности чрезвычайно возрастает и ее всемогущество поднимается до невероятной высоты, для того чтобы облегчить приписывание ей ответственности за все болезненное, что происходит с пациентом. Дикари – на самом деле – действуют таким же образом по отношению к своим вождям, наделяя их властью над дождем и солнцем, ветром и погодой, а затем свержают и убивают их, потому что природа не оправдала их ожиданий в плане неудачной охоты или жатвы. Тот прототип, который параноик выстраивает в своей мании преследования, может быть также обнаружен в отношении ребенка к своему отцу. Подобное всемогущество обычно приписывается отцу воображением ребенка, а недоверие к отцу, как было показано, очень тесно связано с возросшим уважением к нему. Когда параноик называет одного из своих знакомых своим «преследователем», он таким образом поднимает его до уровня своей генеалогической линии и ставит его в условия, по-

Однако вечером они с большей легкостью поддаются доминирующей силе более могущественной воли. На самом деле, любая такая встреча представляет собой борцовский поединок между двумя противоборствующими сторонами. Более талантливый оратор доминирующей апостольской природы теперь имеет больше шансов преуспеть в завоевании воли тех людей, которые сами, в свою очередь, чувствуют ослабление своей силы к сопротивлению самым естественным образом, чем тех, которые до сих пор сохраняют власть над энергией своего разума и силы воли.

Той же цели служит и искусственно созданный, но, тем не менее, таинственный сумрак католических церквей, свечей, лада, кадилницы и т.д.

зволюющие накладывать на него ответственность за все невзгоды, которые он переживает».

Я уже предлагал свою версию данных расчетов при обсуждении символической перемены в генеалогии, связанной с проектом Гитлера «новый образ жизни». Гитлер символически отказывается от «духовного наследия» иудейских пророков в пользу «лучшего» наследия «арийства», и придает своей истории нечто вроде незаконной реконструкции, в рамках натуралистической, материалистической «науки», посредством своего мифа о «кровотоке». Он выбирает себе новую идентичность (нечто противоположное хаосу Вавилона Габсбургов – утешающее национальное единство); с этого момента сосуды прежней идентичности становятся «плохим» отцом, т.е. преследователем. Несложно увидеть, как – ибо неприязнь получает свое воплощение благодаря поддержке организации – роль «преследователя» модифицируется в роль преследуемого, когда он отправляется со своей бандой, мыслящей в том же направлении, «разрушать разрушителя».

Если бы Гитлер был просто поэтом, он мог бы написать работу в антисемитском ключе и на этом успокоиться. Но Гитлер, который начал как студент живописи, а затем переметнулся на архитектуру, сам рассматривает свою политическую деятельность как продолжение своих художественных устремлений. В своих собственных глазах он остался «архитектором», строящим «народное» Государство, которое должно было не уступать – в политических терминах – «народной» архитектуре Мюнхена.

Мы можем подойти к вопросу следующим образом (по-прежнему пытаюсь уточнить отношения между отчаянной искренностью и откровенным умыслом): многих ли авторов мы знаем, которые кажутся – когда меняют роль гражданина на роль оратора – покидающими одну комнату и входящими в другую? Или тех, кто – при удобном случае – не говорил с человеком наедине, а потом был бы поражен той трансформацией, которую претерпевает этот человек при обращении к массовой аудитории? Мне доводилось знать людей, которые пишут статьи на академические и философские темы, а также политические памфлеты и стиль и метод изложения которых целиком меняется при изменении их ролей. При написании статей в академической манере, они осторожны, старательны, склонны рассматривать все значимые аспекты проблемы, которой они занимаются; но при обращении к жанру политического памфлета, они пускаются в злобные нападки, систематически искажают позицию своих оппонентов, приходят в состояние некоего политического транса, в котором – во время своей агонии – они становятся похожими на локомотив, стучащий колесами; мгновение спустя, осознав про-

исходящее, они выходят из этого транса и вновь становятся самыми умеренными из людей.

Можно найти несколько страниц у Гитлера, читая которые его взгляды можно назвать «умеренными». Но существует также множество страниц, на которых он оценивает сопротивление и возможности с «рационализмом», присущим опытному рекламному агенту, планирующему новую коммерческую кампанию. «Политика, – говорит он – должна продаваться, как мыло». А мыло не продается в состоянии транса. Но он все же впадал в состояние транса, когда ликовал по поводу своего антисемитизма. И позднее, когда он уже стал успешным оратором (он настаивает, что революции совершаются исключительно силой произнесенного слова), он полагался на свою «поэтическую» роль, а также на то поразительное утешение, которое она давала ему, как способ уклониться от бремени логического анализа в пользу «духовности» оскорбительных пророчеств. Что же тогда может быть более естественным, чем то, что человек, так настаивающий на единении, будет комбинировать это настраивание с мгновениями меньшего экстаза, в особенности, когда он нашел последователей и сторонников, которые назначили цену – как духовную, так и материальную – за это единение?

Как только это счастливое «единство» становится на свой путь, появляется «логика» развития метода. Известно, когда необходимо «одухотворить» материальный вопрос, а когда «материализовать» духовный. Таким образом, когда вопрос касается материалистических интересов, которые создают конфликт между работодателем и рабочим, Гитлер пренебрежительно переходит к возвышенно нравственному. Он «выше» этих низких проблем. Все становится вопросом «жертвенности» и «личности». Становится грубо рассматривать работодателя и рабочего как разные *классы* с соответствующим отличием в классификации их интересов. Вместо этого отношения между работодателем и рабочим должны рассматриваться на «личностной» основе руководителя и ведомого, и «всему, что может оказать эффект разъединения на национальную жизнь, необходимо дать объединяющий эффект армии». Тем не менее, говоря о национальном соперничестве, он делает очень пронизательное материалистическое сравнение Британии и Франции в их отношении к Германии. «Франция – говорит он – желает «Балканизации Германии» (т.е. распада на сепаратистские движения – вновь тема «разобщенности») для того, чтобы добиться коммерческой гегемонии на континенте. Британия, однако, желает «Балканизации *Европы*», а потому предпочитают достаточно сильную и единую Германию, которую можно было бы использовать в качестве противовеса гегемонии Франции. Германская националь-

ность, тем не менее, объединена *духовными* качествами арийства (что построит национальную структуру посредством Партии), а это, в свою очередь, материализуется в мифе о кровотоке.

Что мы узнаем из книги Гитлера? Одним моментом, который он, по моему мнению, продемонстрировал до неприятно высокой степени, является сила бесконечного повторения. Каждый рекламный проспект, оповещавший о собрании «Нацистов», внизу имел два слогана: «Евреи не принимаются» и «Жертвам войны вход бесплатный». Вся сущность нацистской пропаганды была построена вокруг этих двух взаимодополняющих тем. Он описывает силу зрелища; настаивает на том, что массовые собрания являются фундаментальным способом, позволяющим дать индивиду чувство защищенности благодаря окружению движения, чувство «общности». Он также бросает один мудрый намек, на который, я считаю, американским властям необходимо обратить внимание при рассмотрении нацистских собраний. Он говорит, что присутствие специальной нацистской охраны, в нацистской форме, имело огромное значение для культивирования среди его последователей тенденции возлагать центр власти на нацистскую партию. Я полагаю, здесь нам можно поймать его на слове, но я предлагаю использовать его совет в точности до наоборот, настаивая на том, чтобы там, где нацистские собрания разрешены, они бы охранялись исключительно властями и чтобы нацистская охрана не имела права охраны порядка.

Возможно ли, чтобы в равной степени важной чертой успеха являлась не столько повторяемость как таковая, но тот факт, что с ее помощью, Гитлер давал «мировоззрение» людям, которые ранее видели только мир, раздробленный на части? Не исходила ли большая часть его соблазнов от *плохого* удовлетворения *хорошей* потребности? Не те ли, которые настаивают на сугубо *непланируемой* работе рынка, просят людей небрежно принять схему человеческой цели, небрежную схему, которая может быть принята, только пока она работает с достаточным количеством удовлетворения, но становится ненавистной для жертв принесенного ей хаоса. Не готовы ли они психологически для логического объяснения, *любого* логического объяснения, если оно дает им некое правдоподобное «универсальное» объяснение? Я, таким образом, сомневаюсь в том, что привлекательная сила состояла единственно в элементе выкрикивания слоганов (особенно потому, что слоганами можно стучать, речь за речью два или три часа подряд, используя бесконечное варьирование тем). Гитлер сам в определенной степени подтверждает мою интерпретацию, особенно сильно выделяя *полумеры* политиков среднего класса и противопоставляя им *определенность* своих собственных методов. Он не

предлагал людям *соперничающее* мировоззрение; он скорее предлагал мировоззрение людям, которым было нечего ему противопоставить.

Относительно основного фокуса нацистов: идея «лечебного» объединения посредством вымышленного дьявола постепенно стала убедительной благодаря повторяемости стандартной рекламной техники – противопоставление должно быть способным пережить любые нападки на него. Вполне может быть, что люди – при всей их человеческой хрупкости – также нуждаются во враге, как в цели. Прекрасно: гитлеризм сам наделяет нас таким врагом; четким примером этой операции является гарантия того, что мы имеем – в нем и во всем, за что он выступает – не чистого «дьявола», изобретенного в виде угрожающего миру красноречия, а реальность, чей зловещий характер становится ясен при изучении ее истории до настоящего момента. Выбрав этот класс доктрины в качестве нашего «козла отпущения» и попытавшись проследить его эквиваленты в Америке, мы попадаем в точку. Сами нацисты облегчили задачу разъяснения. Добавьте к ним Японию и Италию и вы получите *практическую историю развития* фашизма у тех, кому представлялся более сложным подход к пониманию империалистических помыслов посредством исключительно экономических объяснений.

Но я полагаю, прежде всего нам необходимо отчетливо показать, что Гитлер привлекает к себе, опираясь на искажение фундаментально религиозной модели мышления. В этом утверждении – если все правильно представлено – нет неуважения к религии. В самой по себе религии нет ничего такого, что предполагало бы обязательное создание фашистского государства. В религии существует много того, что – в случае неправильного использования – может привести к формированию фашистского государства. Существует латинская пословица – *Corruptio optimi pessima* – «осквернение лучшего – это хуже всего». И это как раз те, которые оскверняют религию, представляют наибольшую опасность современному миру, придавая глубинным моделям религиозной мысли грубые и устрашающие искажения.

Следовательно, наша задача – наша антигитлеровская борьба – состоит в том, чтобы отыскать доступные способы демонстрации гитлеровского искажения религии, чтобы политики подобного толка в Америке не смогли прокрутить подобную аферу. Стремление к единству – искренне и достойно восхищения. Стремление к национальному единству – при современном состоянии мира – искренне и достойно восхищения. Но единство, достигнутое на основе обмана и при помощи эмоциональных уловок, которые сдвигают фокус нашей критики с настоящего локуса наших проблем, вовсе не является единством. Ибо, даже если мы оказы-

ваемся теми счастливыми, кому довелось родиться арийцами, мы не решаем никаких проблем даже для себя самих с помощью подобных решений, поскольку факторы, приближающие катастрофу, остаются. Таким образом, в Германии – после уже пережитого хаоса – мы не видим ничего другого, кроме движения к большему хаосу именно потому, что «новый образ жизни» не являлся на самом деле новым, а лишь представлял собой угнетающе старый способ чистого обмана. Следовательно, после всей этой «перемены», факторы, двигающие к хаосу, остаются нетронутыми, они даже усиливаются. Это правда, что немцы испытывали чувство негодования по поводу проигранной войны, что усилило их восприимчивость к риторике Гитлера. Однако в более широком смысле – это уже неоднократно было подмечено – весь мир проиграл войну, и накопившиеся пороки капиталистического порядка придали ему сильный толчок в направлении хаоса. И здесь вновь возникает чувство негодования и фрустрации по поводу неспособности мужчин работать и зарабатывать деньги. В этот момент какой-нибудь промышленный или финансовый монополист, раздосадованный противоположными голосами в нашем парламенте, может пожелать кратковременного спокойствия, которое дарит один голос, усиленный социальными организациями, и когда все остальные голоса не просто успокоились, а их успокоили. Так он может – по подсказке нацистов – захотеть поддержать группу бандитов, которые, став политическими руководителями государства, защитят его от оправданных требований рабочих. Его бандиты, таким образом, станут его гарантией от его рабочих. Но кто будет его гарантией от его бандитов?

© Берк К., 2008

Серио П.

Лозанна, Швейцария

Перевод: Филатова К. Л.

**ДЕРЕВЯННЫЙ ЯЗЫК,
ЧУЖОЙ ЯЗЫК И СВОЙ ЯЗЫК.
ПОИСК НАСТОЯЩЕЙ РЕЧИ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ
1980-Х ГОДОВ**

Связь между типом политики, осуществляемой режимами различных социалистических стран, и способом словесного выражения этой политики, как правило, не подвергается сомнению. Так, недавно обсуждался «свинцовый язык» китайского режима и был сделан вывод о том, что «деревянный язык» в СССР умер (газета *Le Monde*, май и июнь 1989). Однако читатель найдёт здесь исследование не политического языка в странах Восточной Европы, а того, что в самих этих странах о нём говорится. Объектом данного исследования является ме-

тадискурс о деревянном языке, складывающийся именно там, где этот язык функционирует. При этом мне кажется возможным попытаться решить две задачи: выделить образ языка, работающего в этих метадискурсивных текстах (или дискурс о языке другого), и исследовать оригинальный подход разных стран Восточной Европы, сравнивая их отношение к «политическому языку».

Моя гипотеза заключается в установлении связи не столько между политикой и её дискурсом, сколько между эпистемологической установкой по отношению к паре язык / власть и степенью развития политической рефлексии, причём сама эта связь зависит как от местных обстоятельств, так и от национальной специфики каждой из этих стран.

Представленные здесь тексты были собраны исходя из их доступности и для того, чтобы показать различные условия их создания: различны их авторы – лингвисты, социологи, журналисты, различен сам их предмет: язык буржуазного противника, язык пропаганды коммунистической власти, свой язык. Но во всех случаях сам объект этих текстов совершенно однороден: мы имеем дело с металингвистической рефлексией, топологией языка другого и своего языка, плохого языка и хорошего языка. Этот объект-язык может называться *nowo mowa* (Польша: «новояз», «*newspeak*», «*novlangue*»); *język propagandy* (Польша: «язык политической пропаганды»); «официальная пропаганда» (П. Фиделиус, Чехословакия); «тоталитарная пропаганда» (там же); «пропагандистские слова» (там же); «пропагандистский дискурс» (там же), «язык буржуазной пропаганды» (СССР); «язык политики» (там же); *politički govor* (Сербия: «политическая речь») *jezik mnoznicnih obcil* (Словения: «язык средств массовой информации») *uradovni jezik* (там же: «бюрократический язык»). Какова степень метафоризации в выражении «язык» пропаганды, бюрократический «язык»: идёт ли здесь речь о языке? Происходит ли в социалистических странах появление нового «языка», которому лингвисты становятся свидетелями, как астрофизики, наблюдающие рождение новой звезды? Или же это всего лишь удобная метафора, поспешное сравнение? Тогда какие последствия имеет этот терминологический сдвиг?

Как организуется эта топология, что такое *другой язык*, тот, который не сделан из дерева? Как будет определяться альтернативный язык (настоящий язык, свой язык, и т.д.)? Последний, но не по значимости, вопрос: какое отношение имеют ко всему этому лингвисты? Читатель найдёт здесь попытку типологии, построенную на принципе расстояния от объекта: следуя логике, восходящей к М. Бахтину, речь идёт о классификации по признаку метадискурсивного отношения, по степени интерпретации Себя и Другого.